

указывает на то большое значение, которое имели бани в общественной жизни античного города, и подчеркивает их нередко роскошное внутреннее убранство.

Любимым популярным развлечением населения итальянских городов были разнообразные гладиаторские бои, происходившие на арене городского амфитеатра. В девятой главе автор широко использует открытый в Помпеях эпиграфический материал, связанный с гладиаторами, и с присущим ему умением и красочностью рассказывает об их жизни.

В последней главе М. Е. Сергеенко останавливает внимание читателя на пригородном хозяйстве Помпей и знакомит нас с устройством трех деревенских усадеб, открытых около Помпей. В пригородном хозяйстве Помпей, а также и всей Кампании наряду с виноградарством и скотоводством использовались и зерновые культуры.

Автор очень убедительно доказывает назначение небольшого пресса, найденного в вилле под Боскореале, определяя его как пресс для сыроварения. Этим автор вносит корректив в истолкование назначения этого прибора археологом Паскви, считавшим его прессом для выжимания масла.

Нельзя не упрекнуть автора в том, что им совершенно не рассмотрены помпейские некрополи, открытые около Геркуланских, Стабианских, Нуцериянских и Поланских ворот. Ввиду этого не освещены интересные вопросы, связанные с погребальными обрядами и религиозными представлениями италиков, а также разнообразная погребальная архитектура так называемой «дороги гробниц».

Необходимо отметить ряд опечаток, которые вкрались в примечания. Так, например, деятельность Ганнибала отнесена на конец III в. н. э. (примечание 12); эфирский царь Пирр правил не в IV в. н. э., а в III в. до н. э.; «Чикур» вместо «Эпикур» (примечание 89).

Вышеприведенные замечания несколько не снижают достоинства книги М. Е. Сергеенко. Книга написана живым и ярким языком, хороший стиль ее и увлекательное повествование делают ее чрезвычайно доходчивой и полезной. В ней широко и удачно использован археологический материал для исторических выводов, и нельзя не присоединиться к мнению академика Толстого об этой книге, что «глубокое знание материала и удивительное умение писать даже о самых сложных вещах одинаково просто, живо и ясно помогли М. Е. Сергеенко преодолеть трудности избранной ею темы» (стр. 4).

*Н. П. Сорокина*

Можно вполне присоединиться к оценке, которую дал в предисловии к этой книге акад. И. И. Толстой, что «глубокое знание материала и удивительное умение писать даже о самых сложных вещах одинаково просто, живо и ясно помогли М. Е. Сергеенко преодолеть трудности избранной ею темы». Во всяком случае, если и не все трудности были преодолены, то автору тем не менее удалось написать книгу, которую с интересом прочтут специалисты и широкие круги советских читателей, интересующиеся древностью.

Книга, действительно, написана с большим знанием материала и весьма тепло, пожалуй, даже слишком тепло, если учесть, что речь идет о городе рабовладельческого общества. Увлечшись своим материалом, автор иногда обращает слишком мало внимания на четкость формулировок. Изумляясь, например, тягой к красоте в античности, М. Е. Сергеенко утверждает при этом, что эта тяга жила «в каждом... богатом и бедном, знатном и простом. Без стенной росписи, без фресок, без пола, украшенного если не мозаикой, то хоть каким-нибудь узором из кирпича или осколков мрамора, без цветов немислимый самый скромный и бедный помпейский домик» (стр. 176). Такое обобщение не вытекает ни из раскопочных данных, ни из литературных параллелей. Ведь сам же автор неоднократно указывает на то, что рабы, например, жили в комнатах без всяких украшений. Надо полагать, что далеко не только рабы, но и «совсем нищие ремесленники» (стр. 176) жили бедно и неуютно.

Об этом свидетельствует также данное самой М. Е. Сергеенко социальное толкование слов Овидия о празднике Весты и соответствующих фресок из Помпей, изобра-

жавших в самых идеалистических тонах этот праздник. Автор правильно и метко пишет о том, что «художник не осмелился показать замученных людей и животных, предпочтя заменить тех и других изображением веселых эротов, беспечно лирующих и венчающих сытых, статных мулов цветами» (стр. 117—118).

Излишнее приукрашивание античного быта сквозит и в утверждении, что «в те времена... население Италии мылось в бане ежедневно. Давно оставлен был обычай мыться только раз в неделю; теперь он соблюдался только для рабов» (стр. 235). На фоне скученности жилищ в античности и других показателей (например, данных о наложных болезнях) это — довольно смелое утверждение.

Однако эти обобщения автора, — вполне понятные и объяснимые его увлечением материалом, — пожалуй, единственное, в чем его можно упрекнуть. Достоинств в книге гораздо больше. Весьма ценным, например, является подтверждение археологическими данными положения о том, что в эпоху империи растет самосознание средних слоев рабовладельцев, всякого рода ремесленников и промышленников; их занятия «переставали быть азорными не только для крупного дельца и предпринимателя» (стр. 129). В этом смысле необычайно выразительны приводимые данные о рядовом сукновале, а равно и свидетельства о большом удельном весе в жизни города ряда лиц, занимавшихся торговой деятельностью, имевших связи не только в Италии, но и за пределами ее.

Очень существенные поправки в общепринятые представления о характере хозяйственной деятельности в I в. п. э. вносятся автором на основании материалов Помпей также и в сферу сельского хозяйства. Анализируя хозяйство деревенской усадьбы, М. Е. Сергеевко «решительно зачеркивает старое, высказанное Моммзеном положение о том, что древняя Италия в лице своих крупных землевладельцев отказалась от полеводства и перешла к разведению садовых культур (в широком смысле слова), с одной стороны, и к крупному пастбищному скотоводству — с другой» (стр. 293—294). Автор вполне правильно призывает также пересмотреть безапелляционность, с какой решали раньше вопрос о значении крупного землевладения в древности (стр. 300).

В общем и целом рецензируемая книга является ценным подарком широким кругам советских читателей.

Проф. П. Н. Тарков

**Н. Ф. ДЕРАТАНИ, С. П. КОНДРАТЬЕВ и Н. А. ТИМОФЕЕВА.**  
*Римская литература. Хрестоматия по античной литературе для вузов,*  
т. II, издание IV, М., 1949, стр. 591, тираж 25 000, ц. 14 р. 25 коп.

В новом, переработанном и значительно дополненном издании ее только представлены все основные римские классики, но и увеличено число образцов, приводимых из их произведений. Расширены вступительные справки и отчерки, комментарии и др. Многие переводы публикуются впервые. Таковы образцы текстов римского фольклора, отрывки из Цезаря и Плиния Младшего, заново переведенные С. П. Кондратьевым; переводы А. В. Артюшкова из «Эвевды», «Послания к Пизонам», Тибулловых «Элегий», Овидиевых «Песен лкбви» и «Тристий», «Мозеллы» Авсония и стихов Клавдиана, а также Ф. А. Петровского из Персия и Немесиана и др. Кроме того, напечатаны малоизвестные переводы отрывков Невия и Энния (И. И. Холодный) и фрагменты из Луцилия (В. Н. Модестов).

В книге пять основных разделов: 1) долитературное творчество (фольклор), 2) литература эпохи расцвета республики и завоеваний в Средиземноморском бассейне, 3) литература эпохи гражданской войны, 4) литература времени Августа и 5) литература эпохи империи по периодам: а) до Адриана включительно; б) до Септимия Севера и в) вплоть до крушения античного римского общества.

Хрестоматия открывается избранными классическими характеристиками важнейших особенностей древнеримского общества из трудов основоположников марксизма-ленинизма. В их свете только и можно правильно понять взаимоотношения римской